

ло при поимке, страшат меня потерять это чудо, отправляя его живьем в Петербург.

Я только что получил благодаря милости господина асессора Мещеринова образец минеральной воды с серным запахом, которую я нашел на землях Вашего Сиятельства возле Усолья, которая могла бы стать весьма полезной при лечении многих болезней. Я смогу рассказать о свойствах воды позднее, когда я проведу анализ на месте.

Большое событие, связанное с прививкой (от оспы. – В. Г.) Наследника и Ее Императорского Величества ³⁹, должно заинтересовать и заслужить благодарность и поздравления России со стороны всего благоразумного человечества. Это было одним из замечательных проявлений величия души и человеколюбия.

Примите выражение моего глубокого почтения.

Симбирск 28 декабря 1768. Ваш покорнейший слуга, П. С. Паллас

---

³⁹ [Речь идет о том, что 12 октября 1768 г. Екатерине II была сделана прививка от оспы, чем она дала пример и для ее приближенных. Так было положено начало вакцинации в России от страшной болезни. Тогда метод вакцинации был не столь совершенен, чем впоследствии (в 1796 г.) предложенный английским врачом Эдвардом Дженнером.]

Социальная история отечественной науки и техники

Г. И. СМАГИНА

ПЕРВЫЕ ОРДЕНА ПЕТЕРБУРГСКИХ АКАДЕМИКОВ *

Орден как почетная государственная награда за особые заслуги перед Отечеством был введен Петром I. Царь-реформатор стремился создать действенное средство поощрения к государственной службе. Он понимал, – и это было записано в статуте ордена св. Андрея Первозванного, – что «ничто так не поощряет и не воспаляет человеческого любочестия, как явные знаки и видимое за благодетель воздаяние»¹.

В 1698 г. был учрежден первый российский орден – орден св. апостола Андрея Первозванного. Первое награждение состоялось 10 марта 1699 г., первым кавалером ордена стал ближайший сподвижник Петра, дипломат и государственный деятель, генерал-адмирал и фельдмаршал Федор Алексеевич Головин (1650–1706). В 1714 г. появился высший «женский» орден – орден св. Екатерины. В 1724 г. при перенесении мощей князя Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург Петр предложил учредить орден в честь князя Александра Невского, победителя шведов, но смерть помешала ему это сделать. Екатерина I исполнила его волю, и в 1725 г. появился орден св. Александра Невского. В 1735 г. был введен орден св. Анны, учрежденный отцом будущего императора Петра III герцогом К. Ф. Шлезвиг-Гольштейнским в память своей супруги Анны Петровны, дочери Петра I. Две государственные награды были учреждены Екатериной II: 25 ноября 1769 г. – орден св. Георгия за воинские заслуги, и 22 сентября 1782 г., в день 20-летнего юбилея восшествия ее на российский престол, – орден св. Владимира для награждения заслуг гражданских². Таким образом, в XVIII в. Российское государство имело возможность награждать своих граждан шестью орденами.

Поощрение того или другого человека орденом или каким-то иным знаком отличия свидетельствует о признании государством его особых заслуг перед Отечеством на военном или гражданском поприще, в общественной или благотворительной деятельности. Любопытно посмотреть, как государство оценивало научную деятельность, когда и за что деятели науки получали признание и удостоивались высших знаков отличия. Награждение ученых ордена-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 05-03-03017а.

¹ Цит. по: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Историческое собрание списков кавалеров четырех российских орденов. М., 1814. С. 10.

² См.: *Винклер П.* Очерки истории орденов и знаков отличия в России от Петра до наших дней. СПб., 1889; *Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статуты.* СПб., 1891; *Карнович Е. П.* Служебные, должностные и сословные знаки отличия в России // *Исторический вестник.* 1885. № 11. С. 235–257; № 12. С. 563–587; *Кузнецов А. А.* Ордена и медали России. М., 1985.

ми – одна из сторон взаимоотношений науки и власти. Особенно интересно проследить это на примере XVIII в., важнейшего периода становления отечественной науки.

Для членов Академии существовало три основных пути получения наград. Первый – награждение при императорском дворе. 6 августа 1783 г. Екатерина II пожаловала орден св. Анны академику Ф. У. Т. Эпинусу (1724–1802)³. Он стал первым из деятелей науки, отмеченных государственной наградой. Хотя к этому времени Эпинус уже был признанным в мире ученым-физиком, классиком науки об электричестве, членом Геттингенской, Берлинской, Стокгольмской, Эрфуртской академий наук; при дворе он был более известен как учитель физики и математики Екатерины II (в бытность ее великой княгиней), ее сына Павла и внука Александра Павловича. К тому же Эпинус около 30 лет возглавлял шифровальную службу Коллегии иностранных дел Российской империи и являлся автором текста знаменитой «Декларации о вооруженном нейтралитете» (1780), оказавшей решающую политическую помощь английским колониям в Северной Америке в их борьбе за независимость. Эпинус заслужил благоволение императрицы, скорее всего, службой при дворе и в Коллегии иностранных дел. Но и научные достижения сыграли свою роль, так как именно благодаря им в свое время он был замечен и приглашен ко двору.

22 сентября 1785 г. орден св. Владимира четвертой степени получил академик П. С. Паллас (1741–1811), известный своими исследованиями в области ботаники, зоологии, геологии и географии, путешественник, автор ряда объемных монографий о растительном и животном мире России. Но заслужил он благоволение Екатерины II скорее всего тем, что был наставником по естественным наукам внуков императрицы и под ее руководством в течение нескольких лет занимался составлением «Сравнительного словаря всех языков и наречий», который в четырех томах вышел в Петербурге в 1790–1791 гг.

Другой путь – награждение по ходатайству учреждений, где члены Академии работали по совместительству. 22 сентября 1783 г. академик Г. Ф. Миллер (1705–1783) был награжден орденом св. Владимира третьей степени⁴. Это было первое награждение орденом св. Владимира (учрежденного всего год назад) деятеля науки, притом более высоким, чем те, коими награждались ученые впоследствии. Миллер был представлен к награде архивом Коллегии иностранных дел, где он служил, переехав в 1765 г. из Петербурга в Москву. В представлении перечислялись его исторические публикации и неутомимая архивная деятельность, но не было упомянуто, что он являлся действительным членом Петербургской академии наук, хотя он поддерживал тесные связи с Академией, выполнял ее поручения и получал академическое жалованье. Не отмечены также десятилетие, проведенное в Сибири в составе 2-й Камчатской экспедиции, исполнение обязанностей конференц-секретаря Академии, ректора Академического университета, редактора академических журналов, не было сказано, что его научные труды высоко оценены в Европе, и что Голландское научное общество, академии наук Франции и Швеции приняли его в число своих почетных членов. Сам Миллер с гордостью оценивал свою

³ См.: *Бантыш-Каменский*. Историческое собрание списков кавалеров... С. 324.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Оп. 2. № 389. Ч. 1. Д. 2. Л. 203–204.

Академик П. С. Паллас (1741–1811). Награжден орденами св. Владимира четвертой степени (1785) и св. Анны второй степени (1801)

Академик Н. Я. Озерецковский (1750–1827). Награжден орденами св. Владимира четвертой степени (1793) и св. Анны второй степени (1801)

деятельность и, отвечая на вопрос, достоин ли он ордена св. Владимира, написал: «По пятидесяти семилетней службе, кажется, заслужил»⁵.

Представление на Миллера, как сказано выше, исходило из Коллегии иностранных дел. Приводим этот документ полностью, так как он представляет определенный интерес:

Действительный статский советник управляющий в Москве Архивом Герард Фридрих Миллер, продолжая службу Его с 1725-го года, явил многие опыты Его прилежания и искусства, обогатив Российскую Историю многим тщанием Его собранным и трудами Его изданными в свет доказательствами древности и славы народов ВАШИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ обладаемых, когда наконец по высочайшей воле ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА определен для надзирания за Государственным Архивом ведомства Коллегии иностранных дел, привел оный в самое лучшее устройство, приняв на себя труд сочинения и издания всех негоциации и разных актов Российских, по примеру Дюмонова⁶ дипломатического корпуса и первый опыт уже онаго представил, приуготовил людей к службе и к заступлению места его весьма важного и полезного способных, да и не взирая на его глубокую старость продолжает бесперывный

⁵ *Илизаров С. С.* Академик Санкт-Петербургской академии наук Г. Ф. Миллер, первый исследователь Москвы // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. М., 1997. С. 170.

⁶ [Жан Дюмон (ум. 1726) – французский историк и издатель исторических документов и дипломатических трактатов.]

и неусыпный труд к обогащению Истории Нашей и особливо поколику до департамента Иностранных дел касается ⁷.

17 августа 1783 г., накануне принятия решения о его награждении, Миллер писал статс-секретарю Екатерины II А. В. Олсуфьеву: «Осмелюсь ли я покорнейше просить Вас напомнить обо мне, когда речь пойдет о принятии новых членов в орден св. Владимира? Чрез это мое честолюбие удовлетворилось бы в высшей степени, особенно когда бы Ее Императорское Величество всемиловитивейше соизволила пожаловать мне орден третьего класса» ⁸. Желание Миллера, как известно, было удовлетворено, и менее чем за месяц до смерти он его получил ⁹.

Но основная, значительная группа ученых получала награды при Академии, т. е. за научную деятельность. Императрица Екатерина II стала награждать ученых учрежденным ею орденом св. Владимира четвертой степени (лишь Миллеру, как известно, не без хлопот, удалось получить орден третьей степени).

Орденом св. Владимира четвертой степени отмечены академики: в 1786 г. – математик, конференц-секретарь Академии И. А. Эйлер; в 1790 г. – натуралист и путешественник, ректор Академической гимназии И. И. Лепехин; в 1792 г. – естествоиспытатель и путешественник Н. Я. Озерецковский; в 1793 г. – физик В. Л. Крафт; в 1794 г. – астроном и путешественник П. Б. Иноходцев ¹⁰. Эти награждения падают на годы, когда Академией руководила княгиня Е. Р. Дашкова. Документы к награждению, как правило, она составляла сама, в них говорилось о том, что представляемый к награждению «беспрерывно прилежен, беспорочен, в отправлении должности ревностен и усерден», что за весь период службы не имел никаких нарушений. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранилось ходатайство Дашковой о трудах и заслугах академика Озерецковского, написанное 29 июля 1792 г.:

В Правительствующий Сенат

от директора Императорской Академии наук

княгини Дашковой

Представление

Долгом себе поставляю представить Правительствующему Сенату отличные заслуги и труды надворного советника и академика Николая Озерецковского, который, служа при Академии наук двадцать пять лет, во все дела и комиссии употребляем был с желаемым для Академии успехом и во всех случаях оказывал к службе Ее Императорского Величества и к пользе Академии

⁷ Цит. по: Академик Г. Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции / Подготовка текста, статья С. С. Илизарова. М., 1996. С. 42–43.

⁸ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 402.

⁹ Любопытные подробности о пересылке ордена Св. Владимира Г. Ф. Миллеру из Петербурга в Москву и о похоронах ученого см.: Илизаров С. С. Кончина “безсмертного мужа”. Записка М. Н. Соколовского о кончине Г. Ф. Миллера // Исторический архив. 2006. № 1. С. 29–42.

¹⁰ Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 328. Л. 84; Ф. 4. Оп. 5. Д. 2. Л. 34, 78; Д. 7. Л. 50–55; Р. V. Оп. 1–И. Д. 5. Л. 10; Оп. 1–Л. Д. 20. Л. 1.

отменную ревность, рачительность и усердие, которые вкратце изображу здесь в следующих пунктах:

1-ое. Он для исследования натуральных вещей целые восемь лет путешествовал по России как сухим путем, так и морями, собирая все естественные произведения для Академии. И в последнем своем путешествии по озерам Ладожскому и Онежскому, которым описание издал он в свет, открыл гору, гранатами изобилующую, близъ Ладожского озера, железную руду на острове Валаам и множество мрамора на реке Пяльме, впадающей в Онежское озеро. Сверх того собрал знатное количество различных минералов и других натуральных тел, которыми приумножил собрание редкостей в Императорской Кунсткамере ¹¹.

2-ое. Он как профессор естественной истории, преподавая для публики пять лет сряду наставления в своей науке, собрал для показу слушателям до восьми сот российских и иностранных минералов, кои ныне принес в дар Академии, предпочтя ей пользу собственному своему прибытку.

3-ое. Он по способности своей во все времена правления моего Академиею непрерывно занят был изданием сочинений как его собственных, так и других, им пересматриваемых, которыми Академия и ныне приумножает экономическую свою сумму, и всегда пользоваться ими будет, когда бы уже издателя оных и на свете не было.

4-ое. Он как доктор медицины не малую услугу оказал своим соотчичам исправным своим на российский язык переводом полезной книги – Тиссотова наставления народу в рассуждении здоровья, которую не только перевел, но объяснил своими примечаниями, и сколько можно приноворил к употреблению российских жителей ¹².

Но не описывая подробно всех его заслуг, в заключение присовокупляю одно только сие, что он трудами своими между учеными людьми в Европе не только сделался известен, но и много отличился, так, что Бернское ученое общество, что в Швейцарии, давно уже сделало его своим членом; не упоминая того, что он и здесь также член Императорской Российской Академии, Вольного экономического общества, и профессор в российском слове при Императорском Сухопутном шляхетском кадетском корпусе.

Итак справедливость требует, чтоб он Озерецковский за такие его заслуги отличное получил возмездие: потому, представляя его к ордену святого равноапостольного князя Владимира, покорнейше прошу достойного удостоить к получению сего ордена четвертой степени.

Июля

29 дня 1792 года

княгиня Дашкова ¹³.

Орденом св. Владимира награждали, как отмечено в статуте ордена, «за ревностную и усердную службу, прилежание, труды и беспорочность в отправлении должности» ¹⁴. Награждение происходило один раз в год, в день его учреж-

¹¹ [См.: *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792; 2-е изд. – 1812.]

¹² [См.: *Тиссо.* Наставление народу в рассуждении его здоровья. Сочинение Тиссо, перевел Н. Озерецковский. СПб., 1781.]

¹³ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 403. Л. 111–112.

¹⁴ Полное собрание законов (ПСЗ). Т. 21. № 15515. С. 671–672.

дения – 22 сентября. Орден имел четыре степени, первые две назывались «большого креста», две последние – «малого креста». Орден полагалось носить постоянно, «никогда не снимать, ибо трудами оный приобретается». Учреждая орден св. Владимира, Екатерина II впервые в истории наградной системы России предусмотрела одну очень важную особенность. В статуте ордена о ней сказано так: «Но как не всегда всякому верному сыну Отечества такие открываются случаи, где непрерывное прилежание, беспорочное отправление должности и труды свету известны сделались, то рассудили Мы за благо не исключать из сего Всемиловнейшего установления и тех, кои в службе нашей 35 лет от вступления в классы неотлучно и бесспорно находились»¹⁵. Таким образом, орден св. Владимира можно было получить по выслуге лет.

Из ученых, удостоенных наград при Академии, никто к моменту получения ордена не находился на государственной службе 35 лет. Иноходцев прослужил в Академии 26 лет, Крафт и Озерецковский – 25, Лепехин – 22, Эйлер – 20 лет. Во-первых, из этого следует, и это очень важно, что ученые удостоивались наград не только за выслугу лет, но и за успехи в научно-исследовательской деятельности, и, во-вторых, становится очевидной роль руководителя Академии того времени княгини Е. Р. Дашковой, которая инициировала представление академиков к наградам, считая их заслуги достойными столь высокого поощрения.

Орден св. Владимира четвертой степени представлял собой золотой крест, с обеих сторон покрытый красной финифтью. Носили его на груди на орденской ленте – шелковой муаровой с тремя полосами: посредине – красная, по краям – черные. Девиз ордена «Польза, честь и слава» как нельзя более точно соответствовал жизни и деяниям ученых. Кавалеры ордена св. Владимира получали ежегодную пенсию в размере 100 рублей. После смерти кавалера вдова пользовалась пенсией в течение года, а орденский знак возвращался в капитул российских орденов.

Орден св. Владимира, хотя и не являлся редкой наградой, но почитался высоко. В екатерининское время орденом св. Владимира четвертой степени были награждены около 800 человек, среди них было 6 ученых¹⁶. Это составило примерно 0,75% от общего числа награжденных.

Павел I, вступив на престол, не признал двух орденов, учрежденных Екатериной II, – орден св. Георгия и орден св. Владимира (исключил их из утвержденного им «Установления о Российских Императорских орденах») и никого не награждал этими орденами¹⁷. Он вообще не награждал ученых и какими-либо другими орденами. Александр I, став императором, сразу же в первые несколько месяцев отметил орденами практически всех действительных членов Академии наук, состоявших в ней во времена Екатерины II. 21 декабря 1801 г. Александр пожаловал орден св. Анны второй степени 6 академикам, внесшим большой вклад в развитие отечественной науки. Среди них значились уже упоминавшиеся и ранее награжденные академики Крафт, Озерецковский, Паллас и новые – химики и минералоги Т. И. Ловиц и В. М. Севергин, математик, конференц-секретарь Н. И. Фус. Сообщение об их награжде-

¹⁵ ПСЗ. Т. 21. № 15515. С. 671–672.

¹⁶ Придворный месяцеслов... на 1802 г. СПб., 1801. С. 171–225.

¹⁷ Александр I восстановил ордена св. Владимира и св. Георгия.

Академик П. Б. Иноходцев (1742–1806). Награжден орденами св. Владимира четвертой степени (1794) и св. Анны второй степени (1802)

Академик В. М. Севергин (1765–1826). Награжден орденами св. Анны второй степени (1801) и св. Владимира четвертой степени (1805)

ниях было отправлено из капитула российских кавалерских орденов в Академию наук 30 декабря 1801 г.¹⁸ 3 января 1802 г. «Санкт-Петербургские ведомости» известили об этом своих читателей. Но на этом награждения не закончились, и 25 марта 1802 г. этой чести были удостоены еще 5 ученых. Орден св. Анны второй степени получили академики: естествоиспытатель и путешественник И. Г. Георги, математик С. Е. Гурьев, астроном П. Б. Иноходцев, математик и астроном Ф. И. Шуберт. Астроному и вице-президенту Академии С. Я. Румовскому вручили орден св. Анны, украшенный алмазами¹⁹. Пожалование таким знаком ордена считалось более высоким отличием.

Не совсем понятна ситуация с академиком И. И. Лепехиным. В бумагах Лепехина, хранящихся в ПФА РАН, имеются сведения о награждении его 10 февраля 1802 г. орденом св. Анны второй степени²⁰. Но ни в протоколах Академической конференции, ни в опубликованных списках кавалеров ордена св. Анны нет никаких упоминаний об этом²¹. В рукописных списках кавалеров ордена св. Анны, сохранившихся в РГИА, имя Лепехина значится, но напротив его фамилии нет никаких обычных в этом случае помет о вручении ему ордена²². На единственном известном портрете ученого, выполненном

¹⁸ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1013. Л. 403.

¹⁹ Протоколы заседаний Конференции. СПб., 1900. Т. 4. С. 985.

²⁰ ПФА РАН. Р. V. Оп. 1-Л. Д. 20. Л. 1.

²¹ Придворный месяцеслов... на 1803 г. СПб., 1802. С. 278–279.

²² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 496. Оп. 3. Д. 151. Л. 149–151.

*Академик Ф. И. Шуберт (1758–1825).
Награжден орденами св. Анны второй
степени (1802), св. Владимира четвер-
той степени (1810), третьей степени
(1819)*

в 1830-е гг. (рисунок М. Кашенцова, литография М. Мошарского), он изображен без ордена св. Анны. Дело, видимо, в том, что Лепехин в феврале – марте 1802 г. тяжело болел и не посещал Академию, а 6 апреля 1802 г. скончался. Вероятно, его болезнь помешала довести до конца процедуру награждения.

Знак ордена св. Анны представлял из себя крест, с обеих сторон покрытый красной финифтью. На лицевой стороне, в середине его, в кругу было изображение св. Анны, на оборотной – ее латинский вензель. Когда Эпинусу в 1783 г. был пожалован орден св. Анны, он не имел еще деления на степени. Оно появилось 5 апреля 1797 г., когда Павел I утвердил «Уставление о Российских Императорских орденах», и орден св. Анны приобрел три степени²³. Орден св. Анны второй степени, которым были награждены ученые, носили на шее на орденской ленте.

На известных нам портретах академики Иноходцев, Лепехин, Озерецковский, Паллас, Севергин и Шуберт изображены с пожалованными им орденами.

Из 112 действительных членов (академики и адъюнкты) Петербургской Академии наук в XVIII в. государственными наградами отмечены 15 академиков, что составило 13% от общего состава Академии того времени. Причем четверо ученых были награждены дважды. Это – Крафт, Иноходцев, Озерецковский и Паллас. Награждение орденами пришлось на последнюю четверть XVIII столетия. Таким образом, практически через 60 лет после учреждения Академии наук ученые были удостоены первых государственных наград.

²³ ПСЗ. Т. 24. № 17908. С. 569–587. В 1815 г. Александр I учредил четыре степени ордена св. Анны.

Л. Н. ФОНТАЛИН

«ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ НЕ ТАК-ТО ПРОСТО УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ»

(памяти Г. Я. Свет-Молдавского)

Многолетняя дружба с Георгием Яковлевичем Свет-Молдавским (1928–1983) – одно из самых светлых воспоминаний в моей жизни. Я называл его Жоржем, домашние – Жориком, большинство знакомых – Светом. Эта первая половина его фамилии удивительно ему подходила.

Г. Я. Свет-Молдавский родился 11 июля 1928 г. в Москве, в интеллигентной еврейской семье. Отец, Яков Моисеевич Свет, в пору нашего знакомства был уже инвалидом (ходил с трудом, с палкой), но еще работал юрисконсультom или адвокатом. Любил стихи поэтов конца XIX в. – Надсона, Минского. Дед Жоржа по отцовской линии был, по семейным рассказам, непрактичным фантазером в стиле рассказов Шолом-Алейхема. Мать Жоржа, Елена Давидовна Молдавская, была совершенно иным человеком – энергичным, волевым и деловым. Будучи известным в Москве профессором-гинекологом, она, видимо, и привила сыну любовь к медицине.

Сын унаследовал оба фамильных качества: полет воображения и настойчивость в реализации научных замыслов. В семье он рос всеобщим любимцем. Очень рано перечитал русскую и зарубежную литературную классику, интересовался текущей литературой, любил музыку. В школьной учебе «перепрыгнул» несколько классов и поступил в вуз в пятнадцатилетнем возрасте.

Мы встретились впервые в апреле 1947 г. на городской научной студенческой конференции. В ту пору, на гребне кратковременного послевоенного общественного подъема, во многих институтах возникали научные студенческие общества. В дальнейшем эту затею власти тихо прикрыли как опасную для казенного единомыслия, и студенческую энергию направили на «смычку с народом» – уборку картошки, постройку коровников, подъем целины, строительство БАМа, и т. п.

Мы учились в разных вузах. Свет – в 1 Московском медицинском институте, я – на биофаке МГУ, но доклады делали на одной и той же секции. Он – об антипротозойной активности растительных эфирных масел, а я, увлекавшийся в ту пору идеями Вернадского, – о биогеохимии кремния. Интересно, что на той же секции делал доклад и Жорес Медведев – в ту пору студент «Тимирязевки», а позднее – известный биолог и диссидент.

Наше знакомство было мимолетным и никаких последствий не имело. В дальнейшем мы оба поступили в аспирантуру: он – в Институт вирусологии, а я – в Институт общей и экспериментальной патологии АМН СССР. Но судьбе было угодно свести нас вместе в 1950 г. в самом, казалось бы, неподходящем для дружбы месте – на философском семинаре. В советскую эпоху будущему кандидату наук требовалось сдать экзамен по марксистской философии